

DOI 10.15826/qr.2017.4.268

УДК 821.161.1-225Платонов+82.09+316.75+347.157

**«ЗАГОТОВКА ГРАЖДАН ВПРОК»:
МИФ О СОВЕТСКОМ МАТЕРИНСТВЕ И ДЕТСТВЕ
В ДРАМАТУРГИИ А. П. ПЛАТОНОВА 1920–1930-Х ГГ.***

Елена Чернышева

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия

**STORING UP CITIZENS:
THE MYTH OF SOVIET MOTHERHOOD AND CHILDHOOD
IN A. P. PLATONOV'S DRAMAS OF THE 1920s–1930s**

Elena Chernysheva

Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia

This article considers the formation of a new Soviet mythology of maternity and infancy in the post-revolutionary literary and artistic discourse and its deconstruction in the dramas of A. P. Platonov in the 1920s and 1930s. The changes of the family and marriage topoi and the dynamic patterns of gender relations in Soviet Russia were a result of a radical transformation of ideology and the structure of society. The author discusses the criticism of this part of the Soviet project that originated inside the system and was expressed by a writer associated with socialist construction. The methodology is based on historico-literary, historical, cultural, comparative, typological, and mythopoetic analysis. This analysis is conducted with reference to works of literature that provide an image of post-revolutionary families and models of mother (parents) – children relationships. The basic thesis of the analysis is that the concept of “emancipation of women” and the upbringing of a “new man” had a powerful life-constructing, constitutive, and utopian meaning. This gave rise to a new mythology of motherhood and infancy, where both parts correlate with and are supported, among other things, by high mass art. The author reveals criticism of the Soviet policy of motherhood and children in Platonov's plays. The way in which myth is deconstructed in the comedy *Fools on*

* Citation: Chernysheva, E. (2017). Storing up Citizens: the Myth of Soviet Motherhood and Childhood in A. P. Platonov's Dramas of the 1920s–1930s. In *Quaestio Rossica*, Vol. 5, № 4, p. 1073–1090. DOI 10.15826/qr.2017.4.268.

Цитирование: Chernysheva E. Storing up Citizens: the Myth of Soviet Motherhood and Childhood in A. P. Platonov's Dramas of the 1920s–1930s // *Quaestio Rossica*. Vol. 5. 2017. № 4. P. 1073–1090. DOI 10.15826/qr.2017.4.268 / Чернышева Е. «Заготовка граждан впрок»: миф о советском материнстве и детстве в драматургии А. П. Платонова 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 5. 2017. № 4. С. 1073–1090. DOI 10.15826/qr.2017.4.268.

the Periphery is revealed through the collapse of an attempt by commune members to raise a child. Platonov shows the fetishization of a baby as a showpiece, and its death as a result of a utopian educational experiment. Promiscuity and juridical mess add to the world's lack of foundation and total alienation. There is an apparent discrepancy with the 1930s myth about a happy mother-toiler in the play *Fourteen Little Red Huts*: mass starvation and children's deaths leave their ever-caring mother, head of a collective farm, devastated. The semantics of a child victim and an inhabitant of a proletarian paradise are profaned: the abstract mankind of the future becomes an object of irony. Platonov uses parody, hyperbole, travesty, symbols, and plots based on *casus* in order to recodify the new mythology and establish new authentic humanistic and aesthetic values.

Keywords: Soviet ideology; motherhood; childhood; mythologizing of modern history; A. P. Platonov's drama; deconstruction of the social myth; utopia; parody; travesty; symbol.

Рассматривается становление в литературе новой советской мифологии материнства и детства и ее деконструкция в драматургии А. П. Платонова конца 1920-х – начала 1930-х гг. Изменения брачно-семейных топосов, динамичные модели гендерных отношений явились результатом радикальных идеологических и организационно-практических преобразований в Советской России. Показана критика этой составляющей советского проекта изнутри него самого – от лица писателя, связанного с социалистическим строительством. Методология определяется в историко-литературном, историко-культурном, сравнительно-типологическом и мифопоэтическом анализе. Материалом являются произведения, образно представляющие типы послереволюционных семей, модели отношений матери (родителей) и ребенка. Исходный тезис: концепция «освобождения женщины» и воспитания «нового человека» имела мощное жизнестроительное, конституирующее и одновременно утопическое содержание, рождала новую мифологию материнства и детства, где обе части коррелируют и поддерживаются высоким и массовым искусством. Выявлена критика советской политики материнства и детства в пьесах Платонова. Деконструкция мифа в комедии «Дураки на периферии» происходит в показе краха возвращения ребенка членами коммуны, в сюжете фетишизации ребенка как выставочного образца и его гибели в результате утопического воспитательного эксперимента. Промискуетет, юридический беспорядок добавляют миру «безосновность», тотальное отчуждение. В пьесе «14 красных избышек» проявилось расхождение с мифом 1930-х гг. о счастливой матери-труженице: массовый голод, смерть детей душевно опустошают заботливую мать – председателя колхоза. Семантика ребенка-жертвы и обитателя пролетарского рая профанируется, абстрактное «будущее человечество» становится объектом иронии. Платонов использует пародию, гиперболизацию, символы, сюжеты-казусы с целью эстетической перекодировки новой мифологии и утверждения подлинных гуманистических и эстетических ценностей.

Ключевые слова: советская идеология; материнство; детство; мифологизация современной истории; драматургия А. П. Платонова; деконструкция социального мифа; утопия; пародия; травестия; символ.

Социалистическое строительство в Советской России 1920–1930-х гг. предполагало, среди прочего, изменение брачно-семейных топосов (от патриархальных – к модернизированным), смену моделей гендерных и поколенческих взаимоотношений, а также ритуально-символических практик, сопровождающих рождение и изменение семейного положения. Концепция формирования «нового человека», заданная в идеологическом дискурсе В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, А. А. Богданова, Н. И. Бухарина, А. В. Луначарского и др., пронизывала всю партийно-государственную систему, в том числе деятельность Наркомпроса и – с 1920 г. – Главполитпросвета РСФСР, женотделов при ЦК и местных комитетах РКП(б)/ВКП(б) (до 1930 г.). Старые формы семьи и домашнего быта, гендерные стереотипы, стоящие на пути создания генерации людей, сориентированных на коммунистическую перспективу, должны были быть искоренены и заменены на новые¹. В ноябре 1918 г. проходит Первый Всероссийский съезд работниц, где задаются векторы взаимоотношений семьи и коммунистического государства (докладчик А. Коллонтай), работы в домашнем хозяйстве и хозяйстве народном (И. Арманд), работницы и церкви (Е. Ярославский), обсуждаются вопросы о домах материнства и младенчества, о трудовой школе, о работе с беспризорными детьми [Первый Всероссийский съезд работниц].

«Освобождение женщины» стало одним из актуальных лозунгов, который провозглашался в трудах и публицистике руководителей женского движения (Н. К. Крупской, К. И. Николаевой, С. Н. Сидович, А. В. Артюхиной и др.), специалистов (А. Б. Залкинда и др.), находил отклик в периодической печати (журналы «Работница», «Делегатка», «Коммунистка», «Крестьянка»). Идеи социального, а не индивидуального воспитания и образования детей, не связанных собственническими инстинктами, сориентированных на коллективизм и коммунистические ценности, идеи свободы работницы от ухода за детьми младшего возраста и иного ее «раскрепощения» транслировались в СМИ, популярных изданиях, кино, обсуждались на собраниях трудящихся, реализовывались в партийно-государственном строительстве.

Новый гендерный порядок, согласно исследованиям Н. Пушкаревой, с одной стороны, был этакратическим – обеспечивался усилиями государства через политику принуждения; с другой стороны, провозглашал равенство полов, закрепленное в первой советской Конституцией 1918 г. и двух Кодексах о браке (1918 и 1926 г.) [Пушкарева].

¹ Задолго до 1917 г. в европейской культуре происходило переосмысление традиционной гендерно-семейной модели общества. Ее реальная и художественная трансформация, в том числе экспериментальная, в эпоху модерна осуществлялась достаточно широко, известна и критика этой тенденции. Мощные интенции феминистского движения 1900–1910-х гг., разные практики жизнестроения в поле гендерных отношений получили с наступлением советской эпохи легитимный статус, были поддержаны законодательно [Стайтс; Юкина].

А. П. Платонов с дочерью Марией. 1946
A. P. Platonov and his daughter Maria. 1946

Несмотря на «ряд важных и по-своему уникальных мероприятий», «равноправие это не стало равенством возможностей» [Пушкарёва, с. 208]. «Женско-детская» социальная сфера характеризовалась реальными противоречиями. С одной стороны, это классовый подход в решении практических вопросов, наличие «лишенков», колоссальная неграмотность женщин и детей, голод и огромное количество беспризорников, с другой – беспрецедентные меры по охране материнства и младенчества, утверждение свободных семейных отношений (права на гражданский брак и упрощенный развод, разрешение аборт, коммунальный быт), расширение участия женщин-работниц

в управлении предприятием и государством, наличие организованного женского движения (особенно разнообразного в пределах 1920-х гг.).

Изменение институтов воспитания, брака и материнства имело серьезное жизнестроительное, конституирующие [Мирошниченко, 2015; Мирошниченко, 2016] и – в некоторых существенных чертах – утопическое содержание, рождало новую мифологию материнства и детства, которая была органической частью идеологии, повседневной практики [Орлов; Лебина, 2015] и мифологии социалистического проекта. В кризисной для всего общества революционной эпохе происходило мощное – сознательное и бессознательное – мифологизирование истории и вписанной в нее современности, которое несло функцию социального контроля и конструирования реальности по определенным мифологическим образцам с ретрансляцией архаических мифологических тем, образов.

«Громадье» планов и «размаха шага саженьи» (В. Маяковский) в деле эмансипации, решения «женского» и «детского» вопроса, передки и/или воспитания «нового человека» оказались в сфере новой мифологии, которая активно реализовывалась на разных уровнях советского дискурса [Шабатура; Бородина, Бородин]. «Мифология материнства разрабатывалась постепенно, официальными и неофициальными, письменными и устными текстами, высоким искусством и искусством массовым...» [Адоньева]. К ряду главных действующих персонажей советского мифа, выделенных Х. Гюнтером [Гюнтер], кроме матери, героя, врага, отца (мудрого старца), исследователи сегодня относят также ребенка – в мифопоэтической, миромоделирующей

ющей и – шире – дискурсообразующей функции внутри советской культуры [Арзамасцева, 2006; Головина; Савина; Саврас; Химич; Russian children's literature and culture]. Две составляющие актуализированных универсалий культуры – «материнский» и «детский» мифы – коррелируют (но не жестко связаны).

В мире произведений раннего этапа советской литературы материнская функция женщины, вовлеченной в социалистическое строительство, оказывается периферийной или существенно трансформированной², переосмысленной по архаическим первобытно-коммунистическим моделям (архетипам), характерным для советской культуры [Добренко, с. 32]. В этом смысле значимыми для складывающейся мифологии являются образы героинь повести А. М. Коллонтай «Василиса Малыгина» (1923), романа Ф. Гладкова «Цемент» (1925) и комедии С. Третьякова «Хочу ребенка!» (1926).

Семантика андрогинности³ сочетается с мотивом свободы от семейных обязательств. Коммунистическая концепция растворения личного в общем реализуется как базовая модель. Характерно желание героини Коллонтай воспитывать и растить ребенка по коммунистически, силами коллектива организации. Половой инстинкт женщин сублимирован. Мужчина необходим лишь для зачатия («Хочу ребенка!») или как товарищ в деле борьбы нового со старым, периферийно – как отец ребенка, ценностно сориентированного на жизнь в детском доме, где «все – одинаковые» («Цемент»). При этом в романе Гладкова «новые люди, воспитанные в детдоме, обречены на испытания, а те, кто выживет, достойны “пролетарского рая”» [Ковтун, с. 34]. Мифологизация революционного детства поддерживается песенкой о «детях обновления», очевидна ритуальная практика детдома по трансляции и поддержанию псевдорелигиозных моделей смерти – возрождения, формируемых для утверждения революционной идеи. Жертвенность во имя утверждения идеалов революции в романе – существенный мотив, даже смерть дочери не колеблет женщину-труженицу в ее коллективистских идеалах, они лишь переводятся на более высокий онтологический уровень.

Деконструкция советской мифологии материнства и детства в драматургии А. П. Платонова

Очевидной деконструкции новая мифология материнства и детства подвергается в драматургии А. П. Платонова словно бы изнутри грандиозного социального проекта: писатель являлся деятельным участником социалистического пересоздания жизни.

² Серьезную перекодировку претерпела также тема сексуальной этики, художественная литература стремилась осветить вопросы «нового полового быта» в борьбе различных тенденций и ценностей [Беззубцев-Кондаков; Пушкарев].

³ Андрогинность – вариант гендерных моделей репрезентации женщины – присутствовала как в дореволюционной, так и в послереволюционной культуре [Арзамасцева, 2015; Гюнтер, с. 773].

В стране сразу после революции последовал ряд практических мероприятий и институций, которые призваны были обеспечивать интересы детей и матерей (прежде всего «трудящихся женщин»). В их числе – появление в декабре 1917 г. Отдела *охраны материнства и младенчества* при наркомате государственного призрения. В начале 1918 г. новая власть ликвидировала дореволюционную организацию – Всероссийское попечительство по охране материнства, но сама модель медицинско-просветительской работы, существовавшая с 1913 г., была унаследована вместе с имуществом охматмладом и другими советскими учреждениями (педиатрическими и пр.) [Микир-тичан, Шерстнёва]. 31 января 1918 г. было принято постановление комиссариата «Об организации комиссии по охране младенчества», подписанное той же А. М. Коллонтай. «Все учреждения, обслуживающие детей, передавались в ведение отдела охраны материнства и младенчества, с тем, чтобы составить неразрывную цепь с учреждениями, обслуживающими женщину во время беременности и кормления ребенка грудью» [Аракелова, с. 63]. Вероятно, деятельность местных отделений охматмлада оставалась в той или иной степени продуктивной вплоть до конца 1920-х гг. [«Охматмлад» и «Дети республики»]. Характерна в этом смысле заметка в «Сибирских огнях» 1928 г. с названием «Охрана матмлада у ойротов и тунгусов» [Охрана матмлада].

В том же в 1928 г. Платоновым (возможно, в соавторстве с Б. Пильняком) была написана и дважды читалась публично пьеса «Дураки на периферии» (опубликована в 2006 г.) [Корниенко, Антонова]. Образ «узкого состава охматмлада» создан Платоновым по модели всесоюзных комиссий, но в комедии очевиден снижающе-пародийный дискурс, причем пародия затрагивает как содержательную сторону работы комиссий и отделов охматмлада, так и ритуально-символическую основу их деятельности, и идеологическую подоплеку.

Несмотря на то, что аборт в 1920-е гг. были разрешены, в комедии комиссия вторгается в частную жизнь семьи служащего в городе Перечетске на основании некоего уездного постановления, согласно которому «без комиссии нельзя сделать аборта»⁴. Комиссия постановляет обязательность и полезность родить «от таких блестящих густых матерей» [Платонов, с. 20]⁵, каковой является Марья Ивановна, жена Башмакова. Однако он мечтает о вердикте «аборт». Идеальная послереволюционная семейная жизнь мыслится Башмакову в непосредственном будущем без нового ребенка, его умерщвление во чреве матери видится нормальным и желательным. Решение комиссии заставляет его подать в суд для взыскания с нее алиментов, поскольку «общественно-фактическим отцом является комиссия охматмлада в узком составе» (с. 28). Социально-юридическая и нравственная интрига осложняется тем,

⁴ В комментариях к первой публикации «Дураков на периферии» указано, что пьеса основана «якобы на реальном случае анекдотического характера» [Корниенко, Антонова, с. 426].

⁵ Далее цитаты из пьес А. П. Платонова даются по этому изданию в круглых скобках с указанием страниц.

что некоторые члены охматмлада могли быть физическими отцами ребенка. В сюжете комедии закономерно возникает ситуация коллективной жизни членов коммуны и матери с новорожденным ребенком.

Среди типов послереволюционной семьи существовали семьи-коммуны как в городах [Вокруг писем комсомолок] (для них могли строиться особые дома-коммуны [Лебина, 2012]), так и в сельских местностях [Мазур, с. 99]. Социальная утопия коллективной семьи в Переучетске, отразившая эти реалии, оказывается трагически исчерпанной, а на пути к этому является вывернутой наизнанку модернизированной патриархальной утопией. Рожденного ребенка планируется «взрачивать по чудесам науки и знания, как двукратно постановила комиссия» (с. 44), пишутся проекты, выписки протоколов о достижениях воспитания в губгород, «а копию Максиму Горькому»⁶ (с. 44), и т. д.

Для комиссии охматмлада как коллективного субъекта советской власти и революционно-утопической идеологии будущее едва ли не более значимо, чем настоящее. Поэтому прагматическая польза от рождения младенца мотивируется миссионерским характером комиссии: она призвана служить делу «обеспечения будущего населения» (с. 25), «фактически охранять судьбу поколений и организовывать будущее» (с. 24). Патриархально-династическая модель семьи-государства здесь изначально задана, но travestирована: «отец семейства» играет в судьбе новорожденного главную роль, но, согласно комедийной гиперболе, их несколько, сын по повелению матери водружается «на престол», но это всего лишь «письменная конторка». Мать в духе идеалов равноправия мужчин и женщин готова выполнять маскулинные роли. Но новая мифология «женщины-труженицы» здесь приобретает специфический вид: Марья Ивановна говорит о желании быть то милиционером, то хозяйкой трактира, а то и вовсе разбойницей, атаманом, демонстрируя в каком-то смысле анархические черты характера и в реальности, не трудясь и игнорируя всякую ответственность: «*Марья Ивановна.* – Приступайте к вольной жизни... Живу и что хочу делаю, а делать я ничего не хочу» (с. 46, 47).

С другой стороны, оказавшись по решению суда в роли коллективного отца, охматмлад стремится играть ее последовательно, стать примером для тех, кто готов последовать «высокой» модели ячейки общества. Закрепляются нормы новой системы воспитания. «*Лутыгин.* – Никогда так планомерно не жил. Вот что значит безбалие» (с. 47). Реально-бытовой, организационно-деятельный план образцового социального устройства детализирован, связь с утопическим метатекстом здесь очевидна. Четвертый акт, в котором и разворачиваются на первых порах гармония отношений социального института охматмлада и «нового» частного человека, начинается с характерной

⁶ Этот отклик на возвращение М. Горького в СССР и его глобальные проекты «второй природы» – еще один маркер пародирования социальной мифологии реальности.

ремарки: «Наиболее рационально использованная жилплощадь: помесь учреждения, детского приюта и жилья. Под плакатом “Дорогу детям, потому что они цветы” – громадная белая люлька под белым балдахинном. Явная медицинская научность и мирная жизнь. На первом плане стол, тот же, что был в комиссии охматмлада. Половина стола накрыта скатертью» (с. 44). Природная (значимая деталь «цветы»), патриархальная («люлька, стол со скатертью»), научная («медицинская научность») и социальная гармония («мирная жизнь») соединены в интерьере, но словно бы и застыли в нем. Утопическая «образцовость» охматмладовского мира здесь явно декларируется и даже разыгрывается: он становится объектом осмотра «основных принципов коллективного воспитания» (с. 45), а сам ребенок – экспонатом «достижений» во имя новых форм жизни.

Коллективный отец ребенка озабочен не его индивидуальным бытием, а «сохранением гражданского населения для будущего» (с. 33). В сознании коллективного родителя (комиссии) ребенок предельно фетишизирован, члены охматмлада видят свой прямой долг в «заготовке граждан впрок» (с. 25). Обигрывается внутренняя форма слова «заготовка», которая предполагает отчуждение от живой жизни, «консервирование», а значит, и «умерщвление» органического тела. По сути, умерщвлением венчается образцовая коллективно-семейная организация жизни. Свойственный стилю Платонова мотив опредмечивания человека здесь дан не только в комической, но и в негативной прорисовке: младенец, демонстрируемый по расписанию посетителям, регулярно выносятся на два часа на мороз для вентиляции легких. «Похожие на садистские забавы» [Яблоков, 2008, с. 163] рациональные старания бывшего ротного лекаря Лутына, а ныне члена охматмлада, ни у кого не вызывают сомнений.

Платоновская социальная утопия по-советски с «образцовым» ребенком и такими же методами отражает конфликты «новой» морали (безразличие к индивидуальности, промискуитет), проблемы семейного и крестьянского (предколхозного) «строительства», парадоксы революционного правопорядка. Весь сюжет движется благодаря юридическому казусу. Комиссия выполняет «четкую линию закона» (запрет на аборт женщине из обеспеченной семьи), но оказывается обвиняемой и осужденной к выплате алиментов за собственное правовое решение: «*Лутын*. – Я все припоминаю, с какого места беззаконие началось – и не вижу. Кругом закон, а мы посредине мучаемся» (с. 43). Решение суда вносит в сознание охматмладовцев сомнение относительно социальных законов и легитимного функционирования их собственной комиссии и – шире – мира как такового. «*Лутын*. – А ведь действительно, мир никем не удостоверен» (с. 52). Стало быть, он «юридически не существует» (с. 52).

Мотивы «незаконности» земного бытия, «несуществования» как свойства реальности поддерживаются деталями – уничтоженными храмами, предъявленным суду «лишним» кустом в крестьянском ого-

роде, взаимозаменяемостью «закона» и «слитной тьмы» в сознании охматмладовцев. Не способствуют чувству укорененности в жизни и легкость расторжения браков, и трансформация мужского в женское [Яблоков, 2008, с. 158]. Абсурден «приказ» мужчине родить в пионерском стишке-небылице, где «неизвестные никому причины» влекут постановление наркома Коллонтай: «Хочешь – не хочешь, лопай, а рожай» (с. 16). Предъявить претензии земным властям или трансцендентному субъекту (Богу) либо оправдать мир в границах этого абсурдного стиха невозможно, как и во всем безбожном мире Переучетска.

«Неудостоверенность» и субстанциональная сиротливость мира оказываются проявлением и констатацией эгоистических начал в человеке (вопреки коллективистскому образу жизни), экзистенциального отчуждения (вопреки объединяющей функции матери и дитя и связанной с ними семьи-коммуны), трагизма бытия (вопреки лозунгам революционного оптимизма). Приказы старшего рационализатора (выступающего как *deus ex machine*) не приносят умиротворения в души субъектов нового миропорядка. В этом смысле платоновская деконструкция социального мифа весьма широка, она направлена не только на мифологию материнства и детства. Платоновская художественная рефлексия оказывается в противоречии с распространенными коммунистическими упованиями масс, носящими, по мысли М. Рыклина, религиозный характер, с революционно-утопической «верой в историческую неизбежность выхода за пределы истории» [Рыклин, с. 31].

Стилистика и содержание речей платоновских членов охматмлада («обеспечение будущего населения», «на предмет осмотра наших основных принципов воспитания», «ты – соотношение социальных условий, социальная надстройка, баба на базе» (с. 45, 47) и др.) черпаются в документах эпохи, в статьях ответственных работников и идеологов новых семейно-гендерных отношений⁷. Советский «новояз» отражает ритуально-символическую мифогенную практику новых семейных отношений («октябрины» вместо крестин, перемена фамилий второстепенных героинь на «Майскую» и «Трудовикову») и пересмотр старых: «не муж, а вообще инородный обыватель» и т. д., что коррелирует с «неправильностями» речи, присущими стилю Платонова («Сократитесь от нас вон!»). Авторская речь (ремарки) тоже полна метафорических «неправильностей», задающих архаические или мифологические коннотации: «Марья Ивановна, обильная женщина», «Все занимают первобытные места» и др.

В мире «Дураков на периферии» есть место мечте о семье, человеческому сочувствию (оно парадоксально свойственно милиционерам). Но узнаваемый платоновский финал подтверждает бесчеловечность новой системы отношений (это слово несколько раз

⁷ Характерна в этом смысле риторика близких по тематике текстов А. М. Коллонтай, например: «Для того чтобы... не страдал бы ребенок – будущий производитель – необходимо поставить трудящуюся женщину в более благоприятные условия...» [Коллонтай, с. 8].

комически обыгрывается): младенец умирает. Еще более буквально, чем в повести «Котлован», актуализируется образ замученного ребенка в основании будущей гармонии из романа Достоевского «Братья Карамазовы» [Чернышева]. Будущее, «новая семья», новые взаимоотношения в комедии Платонова оказывается под вопросом (каки в пьесе Н. Эрдмана «Самоубийца», написанной в тот же год).

Женщина-труженица в произведениях Платонова конца 1920-х – 1930-х гг.: амбивалентность образа

Следующий исторический этап «освобождения женщин» от гнета домашнего хозяйства и патриархальных отношений – период «господства этакратического контракта “работающая мать”, ... жесткой экономической мобилизации женщин» [Пушкарева, с. 212–213] – начинается после так называемого «великого перелома» 1929 г. В 1930-е гг. женщины существенно пополнили ряды рабочего класса, при этом на предприятиях сохранялась их дискриминация, так же, как в массовом сознании продолжало господствовать старое традиционно-патриархальное сознание, а власть стала возрождать идеал стабильной семьи [Дэвис, с. 62–63]. Массовое вовлечение женщин в общественное производство в ходе индустриализации и коллективизации, их выдвигание на руководящие должности на производстве, ограничение социальных возможностей крестьянок-единоличниц, свертывание массового женского движения и женских общественных организаций – такова определившаяся к середине 1930-х гг. «тенденция к унификации гендерной модели, отражавшая тенденцию формирования тоталитарного политического режима» [Мирошниченко, 2016, с. 22]. Ограничение свободы женщин в результате запрета аборт (закон 1936 г.), нехватка ясель и детских садов, фактическое неравенство в области образования, представительства во власти и пр. оставались фактом, несмотря на то, что в Конституции 1936 г. было ясно сказано о гарантиях наделяния женщин равными правами с мужчинами [Дэвис, с. 63, 67–70].

В пропагандистском дискурсе конца 1920-х – 1930-х гг. образ преобразованной, сознательно и духовно выросшей работницы и/или женщины-матери продвигают плакаты, картины и скульптуры, песни и кинофильмы⁸, произведения литературы.

Амбивалентность плакатного образа женщины-труженицы реализована в произведениях Платонова этого периода. Если в «Песчаной учительнице» (1927) образ самоотверженной женщины-интеллигента в Средней Азии более соответствует новому мифологизированному образу, то в рассказе «Фро» (1936), и в незаконченном романе «Счастливая Москва» (1933–1936) он уже подвергается переосмыслению. Тем более очевидно расхождение с идеальным топосом счаст-

⁸ «Наши девушки» (1930, реж. В. Браун), «Женщина» (1932, реж. Е. Дзиган, Б. Шрейбер), «Цирк» (1936, реж. Г. Александров), «Член правительства» (1939, реж. А. Зархи, И. Хейфиц) и «Девушка с характером» (1939, реж. К. Юдин).

ливой женщины-труженицы главной героини пьесы А. П. Платонова «14 красных избушек». Фактическая основа пьесы – унесший миллионы жизней голод 1932–1933 гг. в СССР. В официальной печати и в литературе 1930-х гг. эта тема была под запретом, но Платонов в 1933 г. прямо приступает к ней. Пьеса, не имея шансов на публикацию, читалась, о ней есть сообщение в сводках ОГПУ [Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ, с. 285]. Первое действие пьесы пронизано сатирическим пафосом в адрес советских писателей, выезжавших бригадами в глубинку в 1933 г. накануне Всесоюзного съезда писателей. «Первоначально пьеса мыслилась как комедия... однако Платонов... вписывает на полях рукописи 4-го действия “Голод развить повсюду” и завершает пьесу о трагедии на Каспии... высокой эсхатологической интонацией “Котлована”» [Корниенко, с. 440].

Председателю прикаспийского пастушьего колхоза «Красные избушки» Суените с самого начала приданы черты внешней «детскости» («Ребенок правит деревенским царством», «советское дитя» (с. 163)), но она обладает «взрослым» сильным характером. Предъявлены такие стороны мифа о советской женщине, как самоотдача, трудовой энтузиазм. Материнские свойства сдвинуты в сторону новой, типичной для 1930-х гг. ипостаси женщины – хранительницы семьи. Хоть ребенок помещен матерью в ясли, которые являются приметой колхозной жизни, все же деятельная забота и печаль о собственном младенце пронизывают речь и поступки Суениты. Впрочем, отличает ее и напряженная забота о колхозных детях. Известные еще с 1920-х гг. неомифологические черты «общественной матери» здесь совпадают с традиционным для Платонова типом «всемирного материнства», «всеобщей матери» [Яблоков, 2005, с. 155–156]. Типаж представлен в нескольких вариантах. Для всех, «кто объединился в колхоз», она строгая мать, просветительница, кормилица и др., что восходит к архетипическим началам образа матери (прародительницы, матери-земли) [Матвеева]. И все же идеальные грани типажа здесь деформированы. Колхознику Вершкову, разрешившему мировую загадку формулой «Да здравствует товарищ Сталин» и высказавшему убеждение, что он, Вершков, тоже социализм, Суенита наносит смертельный удар кинжалом со словами «Социализм, как и Сталин, у нас один. Два не нужно» (с. 191). Если не интерпретировать этот пассаж в аспекте перверсии, то следует признать, что идеологические замещения оказываются у героини выше человечности. Семантика женщины как «общественной матери» если не исчезает вовсе, то редуцируется.

Мифологема детства в пьесе также существенно редуцирована: ни семантики воспитания нового человека, ни даже «детской» жертвы во имя будущего в пьесе, по всей видимости, нет. Зато очевидна критика бытового решения «детского вопроса»: «Хоз. Кто там заплакал у вас, в ваших социальных полях? Суенита. Это наши дети играют в яслях. Хоз. А я слышал, что плачут» (с. 167). Существенной видится десемантизация устоявшегося смыслового комплекса детства. Дети

лишь декларируются в качестве залога будущего («Храни его в запас будущности!» (с. 202)), но не являются потенциальными обитателями будущего пролетарского рая, не рассматриваются в качестве способа иммортализации матери и отца. Объявленный колхозником Антоном как объект будущего научного воскрешения (что, разумеется, усложняет семантику детства), сын в восприятии самой Суениты «навсегда мертв»: «Суенита. Нет... больше ничего не будет» (с. 203).

Предметом авторской иронии становится и само будущее, едва ли не сакрализованное в известных идеологемах конца XIX – начала XX в. Так, «нищанская» реплика Хоза «Что тебе один ребенок! Ты качаешь в своих бедрах, как в люльке, целое будущее человечество» (с. 172) не услышана и вряд ли могла бы быть принята Суенитой, озабоченной как раз частной, живой жизнью маленького ребенка, своего или даже чужого. Образы детей воплощают в себе «одну любовь» взрослых на фоне неустойчивого бытия («жизнь ведь предприятие незаконченное», «всемирное жульничество»). Колебанием от смерти к жизни и от жизни к смерти самих колхозных детей маркируется мерцание мира, то есть не только социальные, но и онтологические и экзистенциальные проблемы (см. реплики героев по отношению к мертвому мальчику: «Ты – детский и забытый», «Я жить теперь сомневаюсь» (с. 204), «Ребенок мой не дышит... как скучно мне делается одной» (с. 207)). Тотальный мотив смерти усложняет даже воспоминания Суениты о рождении сына: «Он незащитный, испуган, весь в крови, его измучила страшная смерть» (с. 168).

Образ трагического мира-перевертыша, по мнению исследователя, воплощается на уровне жанровых трансформаций, рождает колхозную «антиидиллию», сюрреалистическая «пастораль» получает травестийно-мистериальное звучание [Яблоков, 2005]. «Злоключения советской пастушки» вписываются в деконструкцию материнско-детского мифа, являющегося частью советской мифологии 1920–1930-х гг. Труд Суениты, как и труд односельчан, оказывается бессмысленным на фоне призрака классово-властной борьбы, власти ГПУ, уничтожения скота и хлеба раскулачиваемыми. Как бессмыслен и робкий голос протеста («Ксения. Москва проклятая!») на фоне социалистических лозунгов, произносимых в голодном иступлении (с. 204). Если учесть, что Москва в массовой культуре 1930-х гг. представляла одну из ипостасей архетипа матери и центр советской иерархоцентрической модели мира [Гюнтер, с. 747], то еще более очевидна снижающая авторская интенция по отношению к современному материнскому мифу.

Оценки событий «текущего момента» даны прежде всего не в жизнеподобных, а в условных гиперболизированных формах. Характерен символический образ овитого колючей проволокой плетеного кузова, служащего тюрьмой для людей, но при необходимости – и садком для рыб, и гробом. Суенита намерена положить в него своего мертвого сына, дабы в качестве приманки для рыбы он помог накормить колхозников. Однако совершаются подмена труппы и возложение ребенка

на землю, что может прочитываться как ритуальный жест. Не водная, а земная стихия (мать-земля) служит приютом для мертвого ребенка и – рядом с ним – полуживого догматика-колхозника. Запоздалый парус, появившийся на море уже после смерти сына, который Суенита «равнодушно видит» (с. 207), – красноречивая аллегория тщеты коммунистических иллюзий.

«Риторика святого материнства нарастает в обратной пропорции к материнской практике», – пишет С. Б. Адоньева об укоренении и развитии культа материнства в 1930-е гг. [Адоньева]. Явно протестный дискурс «14 красных избушек» не совпадает с этой риторикой, пьеса бросает трагическую тень на укорененный к тому времени двуединый миф о советском материнстве и детстве.

Список литературы

Адоньева С. Б. Материнство: мифология и социальный институт // Русский фольклор в современных записях [сайт]. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php?rubr=Research-articles (дата обращения: 11.12.2016).

Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ : 1930–1945 / публ. В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества / ред.-сост. Н. В. Корниенко. Вып. 4. Юбилейный. М. : ИМЛИ РАН ; Наследие, 2000. С. 848–884.

Аракелова М. П. Опыт охраны материнства и младенчества // Социол. исслед. 1995. № 7. С. 62–64.

Арзамасцева И. Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х годов : дис. ... докт. филол. наук. М. : [Б. и.], 2006. 453 с.

Арзамасцева И. Три души провинциальной гимназистки (пьеса З. Н. Гиппиус «Зеленое кольцо») // Новое лит. обозрение. 2015. № 5 (135). С. 171–182.

Беззубцев-Кондаков А. В эпоху «красных свадеб» // Колесо : лит. интернет-журн. 2009. № 19. URL: <http://www.altair-torg.ru/koveco19/svadba.html> (дата обращения: 11.11.2016).

Бородина А. В., Бородин Д. Ю. Баба или товарищ? : Идеал новой советской женщины в 20–30-х гг. // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь : Изд-во ТвГУ, 2000. С. 45–52.

Вокруг писем комсомолок // Смена. 1926. № 16. С. 12.

Гладков Ф. В. Цемент : роман. М. : Современник, 1986. 240 с.

Головина Л. Н. Реализация мифологемы дома и странничества в русской прозе XX века о беспризорниках и детях-сиротах // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 4. С. 261–263.

Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 743–784.

Добренко Е. Социализм и мир детства // Соцреалистический канон : сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб. : Академ. проект, 2000. С. 31–40.

Дэвис С. Мнение народа в сталинской России : Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941 / пер. с англ. С. Н. Морозова. М. : РОССПЭН, 2011. 231 с.

Ковтун Н. В. Дети как проверка социального самоопределения женщины в романе Ф. Гладкова «Цемент» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. 2008. № 9. С. 21–37.

Коллонтай А. Общество и материнство. Государственное страхование материнства. Вып. 2. М. ; Пг. : Госиздат, 1923. 598 с.

Корниенко Н. 14 красных избушек: примечания // Платонов А. П. Ноев ковчег : пьесы. М. : Вагриус, 2006. 439–445.

Корниенко Н., Антонова Е. Дураки на периферии : примечания // Платонов А. П. Ноев ковчег: пьесы. М. : Вагриус, 2006. С. 426–429.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии : От военного коммунизма к большому стилю. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.

Лебина Н. Советский дом-коммуна: границы тела // Теория моды. 2012. № 23. С. 133–151.

Мазур Л. Н. Семья коммунистов Екатеринбургской губернии (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.) // Изв. Урал. федерал. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 3 (154). С. 85–105.

Матвеева Н. В. Архетип матери и младенца в пьесе А. П. Платонова «14 красных избушек» // Филологический класс. 2007. № 17. С. 64–69.

Микиртичан Г. Л. К 100-летию со дня основания Всероссийского попечительства по охране материнства // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 11. Медицина. 2014. № 1. С. 260–274.

Мирошниченко М. И. Развитие первой советской гендерной модели в первой половине 1930-х гг. // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 15. № 1. С. 21–26.

Мирошниченко М. И. Содержание первой советской гендерной модели в 1920-е гг. // Вестн. Южно-Урал. гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Т. 15. № 1. С. 35–42.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М. : ГУ ВШЭ, 2010. 317 с.

«Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг. : хрестоматия / сост. Т. А. Катцина, О. М. Долидович, Л. Ю. Анисимова. Красноярск : СФУ, 2015. 214 с.

Охрана матмлада у ойроотов и тунгусов // Сибирские огни. 1928. № 4 (июль-август). С. 264.

Первый Всероссийский съезд работниц 16–21 ноября 1918 г. и его резолюции. Харьков : Всеукр. изд-во, 1920. 23 с.

Платонов А. П. Ноев ковчег : пьесы. М. : Вагриус, 2006. 464 с.

Плетнева С. А. «Амазонки» как социально-политическое явление // Культура славян и Русь. М. : Наука, 1998. С. 529–537.

Пушкарев А. М. «Новый быт»: идеологические интерпретации сексуального (по материалам русской художественной литературы и критики 1920-х гг.) // Журнал исследований социальной политики. 2007. Т. 5. № 4. С. 459–482.

Пушкарева Н. Гендерная система советской России и повседневность россиянок // Повседневная жизнь при социализме : Немецкие и российские подходы / под ред. Я. К. Берендса, В. Дубиной, А. Сорокина, с участием Е. Акопян. М. : РОССПЭН, 2015. С. 204–225.

Рыклин М. Коммунизм как религия : Интеллектуалы и Октябрьская революция. М. : Новое лит. обозрение, 2009. 139 с.

Савина Л. Н., Батова О. С. Мифопоэтическая традиция в произведениях Л. Пантелеева о сироте // Изв. Юж. федерал. ун-та. Сер. Филологические науки. 2015. № 4. С. 45–50.

Саврас Н. В. Место и функции детства в культурной парадигме соцреализма // Система ценностей современного общества. 2008. № 3. С. 60–65.

Стайтс Р. Женское освободительное движение в России : Феминизм, нигилизм и большевизм. 1860–1930. М. : РОССПЭН, 2004. 616 с.

Химич В. В. Образ ребенка как знаковая фигура в литературе 1920-х годов // Мальчики и девочки: реалии социализации : сб. ст. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 292–302.

Чернышева Е. Г. Эра милосердия, или Плачущие милиционеры : (К семантике мотива мертвого ребенка в комедии «Дураки на периферии») // «Страна философов» Андрея Платонова : Проблемы творчества / ред. Н. В. Корниенко. Вып. 7. М. : ИМЛИ РАН, 2011. С. 51–59.

Шабатура Е. А. Образ «новой женщины» в советской культуре 1917–1929 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск : [Б. и.], 2006. 25 с.

Шерстнева Е. В. Всероссийское попечительство по охране материнства : К 100-летию со дня основания // Педиатрия. 2013. № 12 (2). С. 150–153.

Юкина И. И. Русский феминизм как вызов современности // под ред. Т. А. Мелешко. СПб. : Алетейя, 2007. 544 с.

Яблоков Е. А. Злоключения советской пастушки : (Пасторальные мотивы в пьесе А. Платонова «14 красных избушек») // Нерегулируемые перекрестки : О Платонове, Булгакове и многих других. М. : Пятая страна, 2005. С. 150–162.

Яблоков Е. А. Разбойники, или Отцы без детей : (Проблемы и герои пьесы «Дураки на периферии») // Творчество Андрея Платонова : Исследования и материалы / отв. ред. Е. И. Колесникова. Кн. 4. СПб. : Наука, 2008. С. 157–167.

Russian Children's Literature and Culture / ed. by M. Balina, L. Rudova. L. ; N. Y. : Routledge, 2008. 390 p.

References

Adon'eva, S. B. Materinstvo: mifologiya i sotsial'nyi institut [Motherhood: Mythology and Social Institute]. In *Russkii fol'klor v sovremennykh zapisyakh* [website]. URL: http://folk.ru/Research/adonyeva_motherhood.php?rubr=Research-articles (mode of access: 11.12.2016).

Andrei Platonov v dokumentakh OGPU-NKVD-NKGB. 1930–1945 [Andrey Platonov in OGPU-NKVD-NKGB Documents. 1930–1945] / publ. by Goncharova, V., Nekhotina, V. (2000). In Kornienko, N. V. (Ed.). *“Strana filosofov” Andrey Platonov. Problemy tvorchestva*. Iss. 4. Yubileinyi Moscow, Institut mirovoi literatury RAN, Nasledie, pp. 848–884.

Arakelova, M. P. (1995). Opyt okhrany materinstva i mladenchestva [Experience of Maternity and Infancy Protection]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 7, pp. 62–64.

Arzamastseva, I. (2015). Tri dushi provintsial'noi gimnazistki (p'esa Z. N. Gippius “Zelenoe kol'tso”) [The Three Souls of a Provincial Female Gymnasium Student: Zinaida Gippius' *The Green Ring*]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 5 (135), pp. 171–182.

Arzamastseva, I. N. (2006). *Khudozhestvennaya kontseptsiya detstva v russkoi literature 1900–1930-kh godov: dis. ... doktora filol. nauk*. [The Artistic Concept of Childhood in the Russian Literature of 1900–1930s. Dr. Hab. Thesis]. Moscow, S. n. 453 p.

Balina, M., Rudova, L. (Eds.). (2008). *Russian Children's Literature and Culture*. L., N. Y., Routledge. 390 p.

Bezzubtsev-Kondakov, A. (2009). V epohu “krasnykh svadeb” [In the Era of the “Red Wedding”]. In *Literaturnyi zhurnal “Koleso”* [website]. 2009. No. 19. URL: <http://www.altair-torg.ru/koveco19/svadba.html> (mode of access: 11.11.2016).

Borodina, A. V., Borodin, D. Yu. (2000). Baba ili tovarishch? Ideal novoi sovetskoi zhenshchiny v 20–30-kh gg. [A Peasant Woman or a Comrade? The Ideal of the New Soviet Woman in the 1920s–1930s]. In *Zhenskie i gendernye issledovaniya v Tverskom go-*

sudarstvennom universitete. Tver', Izdatel'stvo Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 45–52.

Chernysheva, E. G. (2011). Era miloserdiya, ili plachushchie militsionery (k semantike motiva mertvogo rebenka v komedii “Duraki na periferii” [The Era of Mercy, or Crying Militiamen (On the Semantics of the Dead Child Motif in the Comedy *Fools on the Periphery*)]. In “*Strana filosofov*” *Andriya Platonova. Problemy tvorchestva*, No. 7 (pp. 51–59). Moscow, IMLI RAN, Nasledie.

Davies, S. (2011). *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii. Terror, propaganda i inakomye, 1934–1941* [Popular Opinion in Stalin's Russia. Terror, Propaganda and Dissidence, 1934–1941] / transl. by Morozov, S. N. Moscow, ROSSPEN. 231 p.

Dobrenko, E. (2000). Sotsializm i mir detstva [Socialism and the World of Childhood]. In Gunther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*. St Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 31–40.

Gladkov, F. V. (1986). *Tsement: Roman* [Cement. A Novel]. Moscow, Sovremennik. 240 p.

Golovina, L. N. (2011). Realizatsiya mifologemy doma i strannichestva v russkoj proze XX veka o besprizornikakh i detyakh-sirotakh [The Realisation of the House and Pilgrimage Mythologem in 20th-century Russian Prose about Homeless Children and Orphans]. In *Znanie. Ponimanie. Umenie*. No. 4, pp. 261–263.

Gunther, H. (2000). Arkhetipy sovetsoj kul'tury [Archetypes of Soviet Culture]. In Gunther, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei*. St Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 743–784.

Kattsina, T. A., Dolidovich, O. M., Anisimova, L. Yu. (Eds.). (2015). “*Okhmatmlad*” i “*Deti respubliki*”: ideologiya i praktika sotsial'noj politiki v Enisejskoj gubernii v 1920-e gg.: khrestomatiya. [“Okhmatmlad” and the “Children of the Republic”. The Ideology and Practice of Social Policy in the Yenisei Province in the 1920s. A Reader]. Krasnoyarsk, Sibirskii federal'nyi universitet. 214 p.

Khimich, V. V. (2004). Obraz rebenka kak znakovaya figura v literature 1920-kh godov [The Child Image as a Symbolic Figure in Literature of the 1920s]. In *Mal'chiki i devochki: realii sotsializatsii. Sbornik statei*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 292–302.

Kollontai, A. (1923). *Obshchestvo i materinstvo. Gosudarstvennoe strakhovanie materinstva* [Society and Motherhood. State Insurance of Motherhood]. No. 2. Moscow, Petrograd, Gosizdat. 598 p.

Kornienko, N. (2006). 14 krasnykh izbushek. Primechaniya [Fourteen Red Huts. Notes]. In Platonov, A. P. *Noev kovcheg*. P'esy. Moscow, Vagrius, pp. 439–445.

Kornienko, N., Antonova, E. (2006). Duraki na periferii. Primechaniya [Fools on the Periphery. Notes]. In Platonov, A. P. *Noev kovcheg*. P'esy. Moscow, Vagrius, pp. 42–429.

Kovtun, N. V. (2008). Deti kak poverka sotsial'nogo samoopredeleniya zhenshchiny v romane F. Gladkova “Tsement” [Children as a Verification of a Woman's Social Self-identification in F. Gladkov's Novel *Cement*]. In *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog*. No. 9, pp. 21–37.

Lebina, N. (2012). Sovetskii dom-kommuna. Granitsy tela [The Soviet Commune House. The Boundaries of the Body]. In *Teoriya mody*. No. 23, pp. 133–151.

Lebina, N. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Daily Life: Standards and Anomalies. From War Communism to Great Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 488 p.

Matveeva, N. V. (2007). Arkhetip materi i mladentsa v p'ese A. P. Platonova “14 krasnykh izbushek” [The Archetype of Mother and Baby in A. P. Platonov's Play *Fourteen Red Huts*]. In *Filologicheskii klass*. No. 17, pp. 64–69.

Mazur, L. N. (2016). Sem'ya kommunistov Ekaterinburgskoj gubernii (po materialam Vserossiiskoi partiinoj perepisi 1922 g.) [A Communist Family in Yekaterinburg Prov-

ince (with Reference to the All-Russian Party Census, 1922)]. In *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnye nauki*. Vol. 18. No. 3 (154), pp. 85–105.

Mikirtichan, G. L. (2014). K 100-letiyu so dnya osnovaniya Vserossiiskogo popechitel'stva po okhrane materinstva [For the 100th Anniversary of the All-Russian Guardianship of Motherhood Protection]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 11. Meditsina*. No. 1, pp. 260–274.

Miroshnichenko, M. I. (2015). Soderzhanie pervoi sovetskoï gendernoi modeli v 1920-e gg. [The Content of the First Soviet Gender Model in the 1920s]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 15. No. 1, pp. 35–42.

Miroshnichenko, M. I. (2016). Razvitie pervoi sovetskoï gendernoi modeli v pervoi polovine 1930-kh gg. [The Development of the First Soviet Gender Models in the First Half of the 1930s]. In *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. Vol. 15. No. 1, pp. 21–26.

Okhrana matmlada u oirotov i tungusov [The Protection of Motherhood and Infancy of the Oirot and Tungus]. (1928). In *Sibirskie ogni*. No. 4 (July-August), p. 264.

Orlov, I. B. (2010). *Sovetskaya povsednevnost': istoricheskii i sociologicheskie aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. Moscow, Gosudarstvennyi universitet Vysshaya shkola ekonomiki. 317 p.

Pervyi Vserossiiskii s'ezd rabotnits 16–21 noyabrya 1918 g. i ego rezolyutsii [The First All-Russian Congress of Women Workers Held on 16–21 November 1918 and Its Resolutions]. (1920). Khar'kov, Vseukrainskoe izdatel'stvo. 23 p.

Platonov, A. P. (2006). *Noev kovcheg: P'esy* [Noah's Ark: Plays]. Moscow, Vagrius. 464 p.

Pletneva, S. A. (1998). “Amazonki” kak sotsial'no-politicheskoe yavlenie [“The Amazons” as a Social and Political Phenomenon]. In *Kul'tura slavyan i Rus'*. Moscow, Nauka, pp. 529–537.

Pushkarev, A. M. (2007). “Novyi byt”. Ideologicheskie interpretatsii seksual'nogo (po materialam russkoi khudozhestvennoi literatury i kritiki 1920-h gg.) [“New Life”. An Ideological Interpretation of the Sexual (with Reference to the Russian Fiction and Criticism of the 1920s)]. In *Zhurnal issledovaniï sotsial'noi politiki*. Vol. 5. No. 4, pp. 459–482.

Pushkareva, N. (2015). Gendernaya sistema sovetskoï Rossii i povsednevnost' rossiyanok [The Gender System of Soviet Russia and the Daily Life of Russian Women]. In Berends, Ya. K., Dubina, V., Sorokin, A., with Akopyan, E. (Eds.). *Povsednevnyaya zhizn' pri sotsializme. Nemetskie i rossiiskie podkhody*. Moscow, ROSSPEN, pp. 204–225.

Ryklin, M. (2009). *Kommunizm kak religiya. Intellektualy i Oktyabr'skaya revolyutsiya* [Communism as a Religion. Intellectuals and the October Revolution]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 139 p.

Savina, L. N., Batova, O. S. (2015). Mifopoeticheskaya traditsiya v proizvedeniyakh L. Panteleeva o sirete [The Mythopoetic Tradition in L. Panteleev's Works on Orphans]. In *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. No. 4, pp. 45–50.

Savras, N. V. (2008). Mesto i funktsii detstva v kul'turnoi paradigme sotsrealizma [The Place and Function of Childhood in the Cultural Paradigm of Socialist Realism]. In *Sistema tsemnosti sovremenno go obshchestva*. No. 3, pp. 60–65.

Shabatura, E. A. (2006). *Obraz “novoi zhenshchiny” v sovetskoï kul'ture 1917–1929 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The “New Woman” Image in Soviet Culture, 1917–1929. Author's Abstract of PhD Thesis]. Omsk, S. n. 25 p.

Sherstneva, E. V. (2013). Vserossiiskoe popechitel'stvo po okhrane materinstva. K 100-letiyu so dnya osnovaniya [All-Russian Guardianship for the Protection of Mothers. On the 100th Anniversary of Its Foundation]. In *Pediatrics*. No. 12 (2), pp. 150–153.

Stites, R. (2004). *Zhenskoe osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. Feminizm, nigilizm i bol'shevizm. 1860–1930* [The Women's Liberation Movement in Russia. Feminism, Nihilism and Bolshevism. 1860–1930]. Moscow, ROSSPEN. 616 p.

Vokrug pisem komsomolok [On Komsomol Women's Letters]. (1926). In *Smena*. No. 16, p. 12.

Yablokov, E. A. (2005). Zloklyucheniya sovetskoï pastushki (Pastoral'nye motivy v p'ese A. Platonova "14 krasnykh izbushek") [The Hardships of a Soviet Shepherdess (Pastoral Motifs in A. Platonov's Play *Fourteen Red Huts*)]. In Yablokov, E. A. *Nereguliruemye perekrestki*. Moscow, Pyataya strana, pp. 150–162.

Yablokov, E. A. (2008). Razboiniki, ili Ottsy bez detei (Problemy i geroi p'esy "Duraki na periferii") [Robbers, or Fathers without Children (Issues and Heroes of the *Fools on the Periphery* Play)]. In Kolesnikova, E. N. (Ed.). *Tvorchestvo Andreyã Platonova. Issledovaniya i materialy*. No. 4. St Petersburg, Nauka, pp. 157–167.

Yukina, I. I. (2007). *Russkii feminizm kak vyzov sovremennosti* [Russian Feminism as a Challenge of Our Time] / ed. by Meleshko, T. A. St Petersburg, Aletheia. 544 p.

The article was submitted on 12.01.2017